

Маша Звездецкая

МАГИЯ & механика

Александра ЗОРИЧА

Александр Владимирович ЗОРИЧ *русский писатель*

Псевдоним Яны Боцман и Дмитрия Гордевского, пишущих в соавторстве с 1991 года. Взят в 1997 году, когда под именем Александра Зорича был напечатан роман «Знак разрушения», зачин эпической фэнтезийной саги, которую продолжили «Семя Ветра» и «Пути Звезднорожденных» (1997—1998).

В это же время был начат цикл авантюрно-приключенческих романов о Своде Равновесия: вышел первый роман цикла — «Люби и властвуй» (1998).

Потом была долгая полоса неурядиц, когда книги Александра Зорича не печатали как слишком сложные, странные или несвоевременные. Она закончилась с изданием технотриллера «Сезон оружия» (2000). А потом случилось чудо: за 11 месяцев московский «Центрполиграф» (на ту пору издательство вполне respectable) напечатало 11 романов Зорича!

Это были: трилогия «Пути Звезднорожденных», 4 романа цикла о Своде Равновесия, космический технотриллер «Консул Содружества», мистико-историческая дилогия

«Карл, герцог» и «Первый меч Бургундии», а также переиздание романа «Сезон оружия». Этот курьез издательской производительности вытолкнул Зорича в топы «валовых» хит-парадов: его заметили читатели, им заинтересовалась пресса.

С 2003 года Александр Зорич печатается в «АСТ», где у него выходит роман «Завтра война» (военно-футуристическая драма о России XXVII века).

В 2006—2007 гг. «АСТ» повторяет подвиг «Центрполиграфа»: параллельно с выпуском новых книг производит массивное переиздание всех фантастических сочинений Зорича, что выводит его в Топ-3 писателей-фантастов издательства «АСТ».

Новые книги Зорича — это продолжение эпопеи о русском космосе: романы «Без пощады» (2005), «Время — московское!» (2006) и «На корабле утро» (2008); мейнстримовская «Римская звезда» (2007) и два авторских сборника рассказов («Ничего святого», «У солдата есть невеста»).

Загадочное все-таки слово «фэнтези»!

В своей английской ипостаси («fantasy») оно утверждает первородство фантазии, создающей различные и глубоко оригинальные миры: помимо всемирно известного профессора и сонма его продолжателей, кроме Роберта Говарда и его последователей, англоязычная фантастика знает и умеет «Песнь льда и пламени» Джорджа Мартина, «Сагу о живых кораблях» Робин Хобб, «МИФы» Роберта Л. Асприна и иные фэнтезийные циклы, где интеллектуальная состоятельность и эстетическая сообразность — заметны и гармонично вплавлены в текст.

В русской ипостаси слово «фэнтези» обозначает прежде всего определенный подвид фантастического романа, двумя обязательными участниками которого являются меч и магия. Английское семечко упало на благодатную почву: не успело издательства «Северо-Запад» опубликовать в 1991 году «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена, как шустрый питерский паренек Николай Перумов тут же кинулся по следам профессора; едва начали печатать Говарда, как сразу же пошли многочисленные продолжения. Затем отечественные литераторы освоили «малый типовой набор» по написанию фэнтезийного романа и — теперь их уже на остановить, это — цунами. Однако и в нашей словесности случаются книги глубоко оригинальные, чтение которых заставляет вспомнить, что фэнтези — прежде всего плод свободной фантазии.

В 1996 году молодые и никому неизвестные харьковские авторы поставили перед собой весьма нетривиальную задачу: написать эпическое фэнтези без выраженной опоры на тот или иной пласт земной культуры. То бишь меч и магия будут, но никаких эльфов, гномов и прочих рас Средиземья, и даже никаких отсылок к ним. Абсолютно новый мир, укорененный в магии, но неуклонно, по мере развития, подбирающийся к технологическому прогрессу.

Так было положено начало повествованию о Круге Земель.

Первая история (в трех романах: «Знак Разрушения» (1997), «Семя Ветра» (1997), «Пути Звезднорожденных» (1998, в первом издании — «Пути Отраженных»), цикл завершен) была посвящена космологии и мифологии нового мира.

Вторая же (в четырех книгах: «Люби и властвуй» (1998), «Ты победил» (2000), «Боевая машина любви» (2001), «Светлое время ночи» (2001), цикл не закончен?) рассказывала о жизни в том же самом мире здесь и сейчас.

Между историями прошло примерно шестьсот лет. За это время Круг Земель изменился до неузнаваемости. На нынешней карте присутствуют две сверхдержавы — Харренский союз и Империя Тер, а также два небольших, но самостоятельных государства — Ают и Варан. Последний и становится основным местом действия второй истории.

В Варане последовательно и неумоимо уничтожают магию. Этой работой занят Свод Равновесия, своеобразный аналог земной Святой Инквизиции, сотрудники которого отслеживают любое (проявление магии, которая понимается как изменение или же порча материи.

В составе Свода — пять опор.

Опора Вещей занимается магическими предметами и артефактами: любой, кто обнаружил измененную вещь, должен немедленно о ней донести; если же пожелает утаить или присвоить, будет покаран как преступник (офицеры этой опоры — отменные вояки, по роду своей службы они также наделены полномочиями следователей, а в случае нужды и палачей).

Опора Безгласых Тварей выводит животных с особыми умениями и отвечает за их использование. Речь идет о так называемых «номерных животных» — это ищейки и боевые псы, почтовые крысы и альбатросы, жуки-мертвители и др.

Опора Благонравия работает как полиция нравов, следит за тем, чтобы все население Варана неукоснительно соблюдало Уложения Жезла и Браслета. Офицеры настоящего ведомства тщательнейшим образом выискивают малейшие отклонения от официально разрешенного способа занятия любовью: один мужчина + одна женщина — в строго определенной позиции, не для удовольствия, но только для продолжения рода. На первый взгляд это кажется абсурдным: люди вольны любить друг друга, как их душе угодно. Но не зря великий Дант писал, что любовь «движет солнце и светила» — необычное сплетение тел может сработать как магическое заклинание.

Опора Писаний занимается Словами и Знаками, то есть остатками божественной речи (Истинное Наречие Хуммера), которой некогда творился Круг Земель. Изучение магических формул и запрещенных книг не проходит даром: офицеры данной опоры искушены в знаниях и зачастую сами оказываются незаурядными магами.

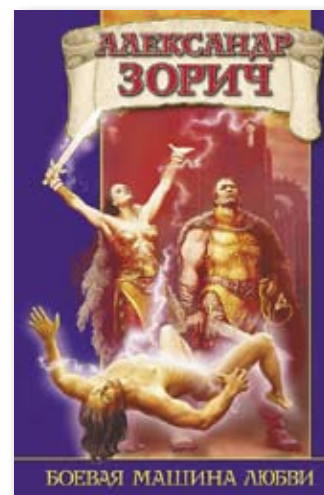
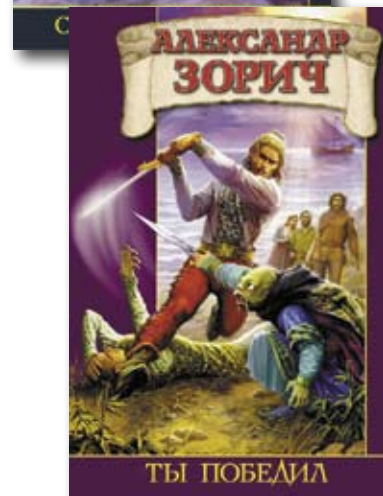
Опора Единства надзирает за всеми прочими Опорами, будучи своего рода отделом специальных расследований. Еще в ведении этой Опоры входит охрана всех цитаделей и других зданий Свода, сопровождение венценосных особ, а также подавление бунтов.

Возглавляет Свод равновесия гнорр, власть которого куда весомее, чем власть князя Варана, потому что он держит под контролем всю духовную жизнь страны.

Отделения Свода разбросаны по всем городам Варана. Доблестные офицеры сканируют повседневную жизнь подданных князя, выявляя малейшую магическую крамолу, блюдают нравственность и собирают древние артефакты, чтобы впоследствии те были уничтожены в Жерле Серебряной Чистоты.

«По установлениям Инна окс Лагина, двери Свода будут заперты в тот день, когда последнее слово Истинного Наречия Хуммера будет вырвано из уст последнего злонамеренного мерзавца любящей рукой офицера Свода. В тот день, когда Жерло Серебряной Чистоты поглотит последний гран Измененной материи, а все Вещи и Писания офицеров Свода отправятся вслед за ним, служители Свода уйдут через эти ворота в мир, чтобы никогда больше не братья за оружие и жить уже одной любовью безо всякой власти» — так формулируется конечная цель Свода.

Перед нами мир, который уже чувствует пользу науки (в Варане Опора безгласых тварей занимается ничем иным, как селекцией; в Аюте изобрели огнетворительное зелье — аналог пороха, и пушки на кораблях стали верной гарантией независимости), но сама наука еще пребывает в недрах магии, без которой не выводятся

«номерные животные» и не стреляют «молнии Аюта».

Мир этот очень молодой и неравносильный: шагу не ступи, как наткнешься на остатки легендарной древности, поэтому для всех Опор находится работа. Разведка, шпионаж, спецоперации — многие офицеры Свода лихие рубаки и мастера перевоплощения. Розыскные и карательные мероприятия, облавы, захваты, ликвидации — все это сотрудники Свода прекрасно умеют тоже. Знакомо им и ученое рвение, касается ли это изучения старых манускриптов или же проведения экспериментов над боевыми собаками будущего.

В одном из интервью Александр Зорич заметил: «Наука и магия — это две различные формы знания об устройстве мира и о воздействиях на мир. Магия обычно

пользуется языком метафор и качественных соотношений, наука — языком цифр и количественных соотношений. Магия тяготеет к тому, чтобы быть эзотерическим искусством, а наука, напротив, стала светской, публичной сферой культуры».

Свет прогресса воссиял на Западе, солнце магии возшло на небосклоне Востока и шествует там по сю пору. Интерес Зорича к европейскому средневековью и к восточным древностям позволил ему органично вплести развивающуюся механику в магический бытийный узор Круга Земель. Зачатки техномагии в романах не только уместны, но и придают им дополнительную глубину.

Главный герой тетралогии о Своде равновесия — эрм-саванн Опоры вещей, двадцати семи лет от роду. По

роду службы работает под прикрытием: то он выступает в качестве чиновника Иноземного дома, то носит при себе бумаги, удостоверяющие его как офицера Морского дома. Настоящее его имя (Эгин) людям знать не положено.

Волею случая Эгин оказывается втянут в заговор, целью которого является смена власти в княжестве Варан. События развиваются совершенно стремительно. Их результатом становится знакомство Эгина с «юношей небесной красоты» Лагхой Коаларой, гнорром Свода равновесия, укрощение варанского мятежа и повышение в чине до аррума Опоры вещей. В последующих романах Эгин снова спасает гнорра, с которым он дружит и враждует одновременно, а заодно целые волости и уезды.

Приключения Эгина чрезвычайно фактурны, истории, в которые он попадает, по-настоящему захватывают, спутники его полны удивительных тайн. Я не рискую зацепиться языком ни за один сюжет и ни за одного персонажа, потому что остановиться потом будет сложно.

Казалось бы, крой письма нехитрый: обычный человек неожиданно ярко проявляет себя в необычных обстоятельствах. Все так, да не так: и человек необычный и мир необычный. К тому же, авантурных романов в отечественной словесности исчезающее мало, а хорошо рассказанных — днем с огнем не сыщешь. Вот и получается, что история про Свод равновесия во всех отношениях незаурядна: перед нами оригинальное авантурное фэнтези, в котором находится местечко для приключений «плаща и шпаги» и детективных расследований, философской медитации и путевых записок.

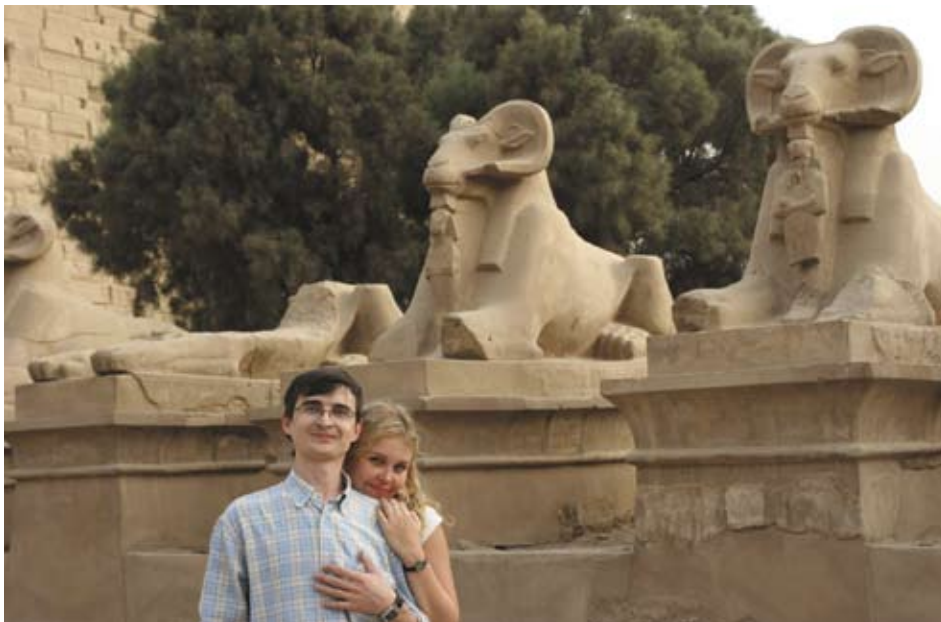
Это вовсе не еще одна «сказочная фантазмагория вымышленных миров с мистико-средневековой атрибутикой» (так, к примеру, определяет фэнтези Эдуард Геворкян), но глубоко фундированный сериал, фантазия создателей которого не знает границ, зато знает меру.

Неутолимый интерес к Средневековью (в его быте, войнах, словесности) и хорошее образование представляют изысканную, полную роскоши подкладку внешне неприятельной пиджачной пары, пошитой Зоричем. Маленькую этикетку модного дома разглядишь не вдруг, но убедительный покрой, отмеченный легкой ноткой творческого сумасшествия, виден сразу.

Наверное, в этом коренное отличие Зоричей от других сочинителей фэнтезийных циклов. Они знают детали и детальки реального исторического быта и свободно применяют их и комбинируют в действительности фантастической, благодаря чему текст приобретает перспективу и звучит много чище.

Отсутствие базового образования — не всегда помеха для писателя, желающего строить миры по средневековым или иным лекалам: можно и самоучкой выучиться, было бы желание. Однако присутствие образования, эрудиции, ироничной умственности украшает книгу неизмеримо. Больше того, умный автор не покажет читателю, что он на голову выше, он просто расскажет увлекательную историю, но внутри нее будут жемчуга настоящих знаний, подделка которых — невозможно.

К сожалению, они затрудняют жизнь не только прос-

тым читателям, но и книжным критикам: «Не скроем, поначалу читать романы о Своде Равновесия было тяжело. И это потому, что глаз не мог зацепиться за что-нибудь знакомое, привычное, много раз читанное у других», — начинает свою рецензию Игорь Черный. Однако филолог в нем все-таки побеждает: критик прорывается сквозь текст и находит его в высшей степени заслуживающим внимания. Но сколько людей не сумело или не захотело сделать усилие чтения?

Возможно, по этой причине тетралогия о Своде равновесия остается недооцененной. Возможно, по этой причине Зорич разлюбил «жизнь фэнтезийную» и полюбил «жизнь космическую». Но даже в романах о космосе харьковский творческий тандем умудряется писать о цивилизационных моделях и культурной типологии.

Такое у него воспитание и таким он мне страшно нравится. :)

Яна Владимировна БОЦМАН

*русская писательница
Родилась 7 августа 1973 года
в городе Харькове.*

Фамилия Боцман юдофилам ложно указывает на еврейские корни, а западникам неложно — на происхождение от нидерландского слова *bootsman*, которое означает старшего над палубной командой судна. И действительно, предки Яны по одной из линий были русскими моряками, ходили по тому самому Азовскому морю, на берегу которого жили и предки ее соавтора Дмитрия.

В 1995 году Яна завершила обучение в Харьковском Институте радиоэлектроники и получила диплом инженера-программиста. Фактически это означает, что Яна умеет рассчитывать траектории космических аппаратов и писать программы для загоризонтного распознавания неприятельских бомбардировщиков. Эти знания Яне пригодились в писательстве, хотя по дипломной специальности поработать ей не удалось.

В 1995 году Яна поступила в аспирантуру философского факультета Харьковского Государственного университета и через четыре года защитила диссертацию. Для Харькова девяностых тема ее диссертации была без двух минут революционной: влияние дзэн-буддизма на европейскую культуру. (Учитывая неуклонное падение престижа знаний и уровня образования на территории государства Украина, тема рискует снова стать революционной уже к началу следующего десятилетия.)

С 1996 по 2004 гг. преподавала в ХГУ различные гуманитарные дисциплины: религиоведение, историю философии, культуру Древнего Востока и античности. В 2002—2003 гг. в соавторстве с Дмитрием Гордевским написала монографию «Искусство раннего европейского Средневековья». Является также автором нескольких десятков переводов философских и культурологических работ зарубежных коллег, редактором-составителем научных вестников ХГУ и трех хрестоматий классических восточных религиозных текстов.

В конце 2004 года уволилась из университета с должности доцента, с тех пор занимается исключительно художественной литературой и сценариями. Член Союза Российских Писателей.

Первый рассказ написала в 1990 году. Работает в соавторстве с Дмитрием Гордевским с 1991 года. Под псевдонимом «Александр Зорич», закрепившим в 1997 году давний творческий союз, соавторы написали 20 романов, три десятка рассказов, а также десяток литературных сценариев для компьютерных игр.

Яна — большая любительница верховой езды, объездила трех буйных жеребцов, заработала на этом поприще почетные травмы. Увлекается рафтингом, плаванием на большие дистанции, йогой.

Дмитрий Вячеславович ГОРДЕВСКИЙ

*русский писатель
Родился 21 марта 1973 года
в городе Харькове.*

Фамилия Дмитрия западникам ложно указывает на его польское происхождение, юдофилам столь же ложно — на происхождение еврейское. В действительности, Гордевские — фамилия македонская. Предки Дмитрия по отцовской линии родом из Болгарии, которая до 1878 года входила в состав Османской империи. Из-под турок

православные предки Дмитрия и бежали в Россию, конкретно — в Приазовье.

В 1995 году Дмитрий закончил механико-математический факультет Харьковского Государственного университета, получив диплом математика-прикладника. Это означает, что Дмитрий, как и Яна, умеет рассчитывать траектории космических аппаратов, а также способен за две минуты набросать на коленке математическую модель работы головных ганглиев майского жука. Все эти знания и ему и Яне пригодились при написании цикла «Завтра война».

Однако по базовой специальности Дмитрий не работал ни минуты — по причине полного отсутствия под рукой космических аппаратов. Выручали технические переводы с английского.

В 1996 году поступил в аспирантуру философского факультета ХГУ, в 2000 — защитил диссертацию, посвященную культуротворческому значению религиозных ересей.

С 1997 по 2004 гг. преподавал в ХГУ различные гуманитарные дисциплины: общую философию, историю культуры Древнего Востока, античности, Византии. В 2002—2003 гг. в соавторстве с Яной Боцман написал монографию «Искусство раннего европейского Средневековья». Подобрал к этому научному труду, который он полагает беспрецедентно точным и полным для отечественной научной традиции, восемь сотен иллюстраций.

В 1999 году Дмитрий с Яной открыли портал X Legio (www.xlegio.ru), посвященный военному делу античности и средневековья. Дмитрий — бессменный администратор и научный редактор портала.

В конце 2004 года уволился из университета с должности доцента, с тех пор занимается исключительно художественной литературой и сценариями. Член Союза Российских Писателей.

Мелким литературным баловством занимался еще в школе. Первый законченный рассказ написал в 1990 году. В 1991—1993 гг. публиковался в местной харьковской прессе.

В соавторстве с Яной Боцман пишет с 1991 года. Псевдоним Александр Зорич возник в 1997 году, с тех пор под этим псевдонимом тандем выпустил 20 романов, написал три десятка рассказов и сочинил десяток литературных сценариев для компьютерных игр.

Любит верховую езду, снорклинг на коралловых рифах, греблю на каяке, рафтинг, теорию парашютных прыжков и спортивного пилотирования.

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ — НЕОДНОКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ РАЗЛИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ. СРЕДИ НИХ: «РАСШИРЯЮЩАЯСЯ ВСЕЛЕННАЯ» КОНВЕНТА «ПОРТАЛ» (ЗА РОМАН «ЗАВТРА ВОЙНА»); «МЕЧ БАСТИОНА» КОНВЕНТА «БАСТКОН» (ЗА ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ); «ФИЛИГРАНЬ» (ЗА ПОВЕСТЬ «ДЕТИ ОНЕГИНА И ТАТЬЯНЫ»); «ЗА ЛУЧШУЮ КОСМИЧЕСКУЮ ФАНТАСТИКУ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ» КОНВЕНТА «СТРАННИК» (ЗА РОМАН «ЗАВТРА ВОЙНА»).

С писателем беседует Маша Звездецкая

— Как, дружочки, вы начали писать, что воспламенило ваши очи и одушевило ваши пальцы?

Дмитрий: Мы начали с рассказов. И то, что мы писали, к фантастике в традиционном понимании не относилось. Это были рассказы по Воннегуту, по Набокову, по Вашингтону Ирвину, по Кортасару. А, может, мы подражали поэту Фору или же Бертрону. Лет пять нам потребовалось, чтобы понять, чего вообще душа может хотеть от прозы.

Хотелось, в общем, красоты. (Чтобы понять фразу, надо ее мысленно достроить отрицанием: «...а не продвижения какой-либо идейной концепции», «...а не морально-этического», «...а не чистых приключений», «...а не детектива».)

Так мы начали работать над «Карлом, герцогом», а вскоре после того — над «Знаком Разрушения».

Яна: В Харькове в первой половине девяностых было такое ощущение, что русская литература полностью закончилась, что все ее бросили на произвол судьбы. Эта иллюзия оказалась полезной: нас миновала знакомая любому думающему субъекту культуры фобия, гласящая, что знаковое пространство переполнено и ничего нового сделать уже нельзя. (Кошмар позднего эллинизма, так сказать.) То есть мы видели перед собой вакуум. И поэтому — ничего не боялись.

— Первые ваши опубликованные книги были написаны как фэнтези. Что было вашим двигателем? Были ли образцы, на которые вы равнялись, или же, антиобразцы, от которых вы отталкивались?

Дмитрий: Я, честно говоря, придерживаюсь крайне консервативной точки зрения, что фэнтези как определенное направление нереалистической прозы зиждется на двух столпах: Дж. Р. Р. Толкиена и Роберте Говарде. Что я имею в виду? Не то, что вся вообще фэнтези к сему дню является рекомбинацией тем и образов, которые заданы именно этими двумя авторами, но, скорее, то, что вся фэнтези могла бы такой рекомбинацией ограничиться. Тут смысловое ударение стоит на «могла бы». Я не знаю, имеет ли то, что я сказал, какую-либо ценность для современного читателя, но на нас с Яной осознание этого произвело в 1991—1993 гг. достаточно сильное воздействие. В таком положении вещей мы почему-то увидели вызов лично себе. Это довольно странно — находить вызовы в подобных литературоведческих теоремах, с которыми к тому же не согласен каждый второй. Но мы были и есть странные люди, и нам захотелось написать «фэнтези+», которая не являлась бы в чистом виде рекомбинацией Т. и Г.

Яна: То есть и образцом и антиобразцом для нас стал Дж. Р. Р. Толкиен. (А более-менее чистым антиобразцом — Говард, но о Толкиене говорить интереснее.) Я думаю, большинство согласно в том, что Толкиен — автор примечательный и талантливый, поэтому не возникает вопроса, в чем он образец. Но вот какой-нибудь пример «антиобразцовости», наверное, привести надо.

Какая характеристика книг Толкиена одна из самых важных? Бандоцентризм, что плохо осознается русским человеком. В том любезном англосаксу смысле «band of brothers», который запущен в обращение Шекспиром устами короля Генри V в одноименной пьесе. О чем идет речь у Шекспира? Что войско короля Генри это band, своего рода шайка. Это англосаксонской душе очень понятно: собраться шайкой и отправиться за море кого-нибудь благородно убивать и грабить. Точно так же «Властелин Колец» описывает вовсе не столкновение государств (как кажется), но фактически — столкновение шаек, ватаг. Хорошая ватага Хранителей Кольца против плохой банды назгулов. Плохая ватага орков против хорошей банды эльфов. И так далее. В этом минимум

государственности «континентального стиля» или, если угодно, римско-византийского образца. Imperium restitutum короля Арагорна, идеальное государство, которое, возможно, восстановит дороги, построит школы, откроет академию философов, насадит повсюду единообразную бюрократию — это государство осталось за последней страницей толкиеновского мегаромана. Ну а мы с Димой — давние любители античности, нормального размашистого римского порядка. Чтобы вот здесь — цезарь, здесь — префект претория, тут у нас школа, там полицейско-комендатура, а вон там — театр, а в нем дают героическую драму. Всего этого много уже и в первой нашей трилогии «Пути Звезднорожденных»...

Дмитрий: ...но там мы боролись в основном с бесполостью традиционной фэнтези. Для нас важно было, что у Толкиена как-то всё мимо секса. Поэтому мы регулярно отправляли своих героев с героинями прямиком в койку или под куст.

Яна: Что да, то да. Но и государственности там уже полно: тот же Элиен в числе прочего выступает и как градостроитель и как создатель государства.

Дмитрий: Да я не спорю. А в «Своде Равновесия» тема государства и обуздания своей гордыни во имя интересов общества вообще процвела буйным цветом.

— Мир Свода Равновесия — мир полного господства магии, пусть даже ее запрещают и отрицают, но одновременно с этим окраинные государства потихонечку осваивают порох, строят корабли с пушками, двигают вперед технический прогресс.

Повлияла ли на вас при написании тетралогии о Своде равновесия идея паропанка? Или же вы были решительно и непоколебимо самостоятельны в создании мира, где магия и техника дружелюбно совместимы?

Яна: Первые «паропанки» — это греческие и римские механики Архимед, Афиней Механик, Витрувий, Аполлодор, Герон. Точнее не паропанки, а как бы сказать... «махинопанки»? Вот на них и ориентировались, в основном.

Дмитрий: В основе лежало знание источников, знание того, до чего в принципе доходило развитие механики и военной инженерии в античном мире и в эпоху средневековья. Возможно, локально, внутри собственной системы координат, мы действительно придумали ряд оригинальных вещей.

— **Свод равновесия — как вам это чудесное словосочетание пришло в голову? Мечтали о нем долгими зимними вечерами, видели во сне?**

Яна: Тут очень важно, что Свод написан уже «поверх» трилогии о Звезднорожденных, то есть это довольно редкий случай, когда культурный тезаурус вымышленного мира был создан заранее, его не пришлось выдумывать, а потому он воспринимался как нечто заданное, незыблемое, академически рафинированное.

Дмитрий: Звезднорожденные и Свод Равновесия находятся в одном мире. Это Круг Земель, состоящий из двух половинок: континента Сармонтазара и гигантского архипелага Синий Алустрал. Просто в трилогии о Звезднорожденных пространственный масштаб больше, там гоняют огромные флоты и армии. А в Своде все центрировано вокруг княжества Варан и плечо путешествий покороче.

Юмор ситуации заключался в том, что романы Свода написаны примерно так, как обычно писатели-неспециалисты работают над исторической беллетристикой. Лезут в справочники, энциклопедии, читают научно-популярную литературу... Потому что за них и до них фактическая сторона вопроса уже кем-то описана. А мы опирались на самих себя.

Как возникло само понятие «Свод Равновесия», я не помню. Мне всегда в таких случаях кажется, что я это уже видел в какой-то энциклопедии, хотя я понимаю, что эту «энциклопедию» мы с Яной когда-то сами же и написали.

Яна: Мир Круга Земель, частью которого является все, что связано со Сводом Равновесия, создан, вымерен и многократно доуточнен теми самыми пресловутыми долгими зимними вечерами. И во сне мы его видели десятки раз, конечно.

— **Я знаю, что многие читатели плачут и надеются на пятую книгу, рассказывающую о Своде равновесия. Есть ли она в ваших творческих планах?**

Яна: Для пятой книги у нас есть три сюжета. И для нас, к сожалению, совершенно очевидно, что это три разных сюжета. Все три нам нравятся, но ни попарно, ни тем более все вместе они не объединяются.

Дмитрий: В общем, очень тяжело выбирать между сюжетами — это раз. Два — трудно входить в реку, из которой вышел восемь лет назад. Так что планов таких пока нет, хотя и ясно вроде бы, что — надо.

— **Поскольку ваша жанровая палитра неумолимо разнообразна, что вы**

можете сказать о современной русской фантастике в целом? Как вам нынешнее фэнтези, как вам многотомные саги о дальнем космосе?

Что вы вообще цените в фантастике, почему вы до сих пор — в ней?

Яна: Я вот скажу, что как раз многотомные саги о дальнем космосе, вопреки расхожему мнению, в русской фантастике не слишком популярны. Их, конечно, пишут, но сколько-нибудь заметных эпопей за последнюю четверть века появилось всего несколько. Это, кстати, одна из причин, по которой мы шесть лет назад весьма уверенно взялись за цикл «Завтра война» — по снегу на этом поле почти не ходили. Хотя казалось бы (с).

Дмитрий: От себя добавлю, что согласно другому расхожему мнению космические эпопеи писать легко. На самом деле, их относительно легко писать только в том случае, если заниматься «фэнтези в космосе», то есть разворачивать традиционное авантюрно-приключенческое действие, используя перелеты с планеты на планету как повод сменить задник за окном очередного кабака, отеля или полицейского кабинета.

А вот весомо и грубо вести своих героев через инопланетные ландшафты, плакать над телом погибшего штурмана, тосковать по любимой девушке на другом краю галактики, рубиться в стратосфере с истребителями чужаков, менять кварковые фильтры на поглотители медленных нейтрино — все это требует как минимум адекватного научно-технического кругозора в сочетании с достаточной мотивацией. Под мотивацией я понимаю либо «это нужно достаточно большому количеству читателей», либо «это так здорово, что интересно по крайней мере мне; и потому я это пишу для себя, а читатели подтянутся». И вот что характерно — с мотивацией, особенно второго рода, были проблемы, ибо все девяностые годы в России прошли под знаком того, что космическая фантастика — это вовсе не круто, потому что тупо.

Яна: В общем, мы в фантастике «до сих пор» потому, что в течение 12 лет нам удавалось находить компромиссы между тем, что интересно нам, и тем, чего в отечественной фантастике мало.

Сейчас ситуация портится. В фантастике стало слишком много всего. Сотни мантр повторены сотни раз. Это, пожалуй, главное, что можно сказать о русской фантастике на сегодняшний день.

Дмитрий: Ну еще надо добавить, что она выросла и стала наконец-то в полном

смысле слова похожа на самую развитую фантастику мира — англосаксонскую.

Но если у англосаксов особых затруднений с медийностью нет, то у нас — есть, и именно сейчас это начинает выглядеть как проблема.

Я хочу сказать, что кинолента, телесериал, анимационный фильм, компьютерная игра по сценарию/по мотивам, комикс на худой конец — это все такие вещи, без которых адекватное функционирование нашей фантастики как жанра популярного, жанра востребованного — невозможно.

Кто выигрывает эфирную схватку на экранах компьютеров и телевизоров, тот и будет продавать книжки в России в следующем десятилетии.

Либо это будем мы, либо это будут наши западные коллеги и «условно русские» авторы, полностью перекарсившиеся «под запад». Пока что счет — не в нашу пользу.

— **Наконец, последнее, традиционное: ваши читательские предпочтения, какие книги вы читаете с удовольствием, коим приятно поделиться со всеми друзьями, а равно с читателями журнала «FANтастика»?**

Дмитрий: Я стою на крайне расплывчатой внешне позиции «за все хорошее против всего плохого». То есть в фантастике — за пределами «золотого фонда» — я люблю современную отечественную фантастику (СОФ), а внутри нашей любезной СОФы всегда жду новых вещей от Алана Кубатиева, Василия Мидянина, Игоря Алимова, Кирилла Бенедиктова, Никиты Красникова, Михаила Харитонов, Святослава Логинова, Вячеслава Рыбакова, а в последнее время и от Антона Первушина...

Многим интересна и Елена Хаецкая... Да еще десяток авторов, чего уж там.

Яна: Ты Игоря Пронина и Сергея Жарковского забыл, конечно.

Дмитрий: Из примечательных фантастов я еще Андрея Ляха и Александра Тюрина забыл, каюсь. Кое-чего хорошего жду и от Леонида Алехина.

Яна: К сказанному остается добавить, что круг нашего с Димой чтения в основном, статистически, лежит либо за пределами фантастики, либо в «зоне отчуждения», так сказать. Например, великолепный роман М. Елизарова «Библиотекарь» и просто хороший его же «Pasternak» — их можно, конечно, номинально причислить к фантастике, но делать этого почему-то не хочется.

ЛЕВ ПОРТНОЙ

ТРЕПЕТНЫЕ ПТИЧКИ

Человек познается в борьбе. И герои произведений Льва Портного принимают вызов. Кто-то преодолевает трусость, кто-то – последствия экономического кризиса, а для кого-то не менее драматичной становится борьба с излишним весом. А может быть, главный враг – тот черт, которого человек сам себе рисует в воображении.